

Восстановление мое шло медленно. Подозреваю, что в этом виновато было то, что рядом не было Шисуи и оставаться в обычном мире, мне стало сложнее. Я просто тратила на это свою чакру. Повезло, что размеры у меня были маленькие и отток был равен притоку. Спасало еще и то, что чакрой со мной щедро (кажись она это даже не замечала) делилась Цунаде. Рин, к которой я обратилась с такой же просьбой, по непонятным мне причинам отказала. Стоило надавить, как она сообщила, что «в результате последней миссии, ее чакра стала ядовита».

Я долго переваривала ее заявление. Очень долго. Сопоставила с ее попытками меня успокоить насчет Шисуи, типа цитирую: «на границе с Кири уже не так опасно, да и Учиха там много», и сделала интересный вывод. Рин Нохара — джинчурики. Живой джинчурики, только вот надежда выпытать подробности пала сразу же. Она — куноичи, а не трепло. Подробности миссии не разглашаются, но уже фраза «Учиха там много», навела меня на интересную мысль...

Кагами хорошо покопался в моей памяти. Зацепил все воспоминания, увидел все. И лазил он мне в черепушку далеко не один раз. Подозреваю, что это было после тренировок, когда я выматывалась настолько, что засыпала в полете. В эти мгновения я точно не могла защититься, и он легко мог подправить (стереть — вряд ли, такое вмешательство слишком сильно отражается на состоянии) мои воспоминания, уверив, что это сон и надо мной склонился Дед Мороз. Ну или не дедуля с алкашным носом, а хоть те же розовые пони. Суть от этого не изменится, моя память была изучена, проверена на реальных событиях и Кагами принял контрмеры. Не удивлюсь, если скоро один одноглазый мужчинка в самом соку помрет. Во сне. Или не во сне. Не важно. Я злилась на его беспардонность. Я восхищалась. Я даже проклинала Кагами, но не могла не признать, что он уже смог воспользоваться моими знаниями во благо. Это заставило облегченно вздохнуть, скинуть с плеч огромную гору, что мешала дышать. Я с удивлением поняла, что совесть у меня еще есть, она не пала под ударами суровой реальности и обычного инстинкта выживания.

Впрочем, я не Дева Мария, стоит признать, что выжившая Рин не вызвала у меня бурю эмоций. Да, я порадовалась за нее, хорошая же девочка, но ее смерть бы тоже меня не слишком печалила. Не уверена, что я бы почувствовала себя виноватой (хотя осадок все равно бы остался) если бы она умерла, до сего момента я с ней была мало знакома, соответственно близким человеком она для меня не была. Сейчас бы — да, помогла бы даже ценой своей безопасности, но так в данный момент мы в одной палате две недели торчим, практически в полной изоляции. Тут волей-неволей или проникаешься симпатией, или возненавидишь.

Учитывая милый, неконфликтный характер Рин, первое произошло быстрее, чем второе. Я даже по большому секрету решила довериться им, что ассоциирую себя с девушкой, но не знаю, какого пола у меня тело.

Они пообещали помочь. Они это Кушина-сан, Рин и Цунаде. Подозреваю, что последней было просто скучно, ведь война уже подходила к концу. Раненых становилось все меньше, а к нам она могла зайти в любой момент и таиться, скрывая разум, смысла уже не было. Благо, другие ирренины доступа в палату не имели. Минато-сан постарался, создав специальный барьер, что еще больше уверило меня в моих выводах насчет «копания в моей памяти». Правда, я не понимала, как тут оказался замешан Намикадзе, но... не зря же говорят «Земля круглая»? Да и Минато-сан имел неплохие связи с Учиха (иначе бы ему даже такого остолопа, как Обито не доверили бы), вроде даже дружил с младым Главой Клана, поэтому ставка на него оправдана. Тем более, за ним нехилый долг должен был после всего этого повиснуть.

Хотя я не верю, что Кагами повесил его прямым текстом. Не верю. Этот далеко не молодой интриган, должен был провести многоходовку покруче (не зря же у него один учитель с Хирузеном и Данзо был) и тот добровольно взял на себя обязательства. Возможно, я даже вижу лишь вершину всего, а не полную картину. Однако отрицать того, что выжила Рин — нельзя, а значит... Обито не видел ее смерть и даже мог остаться в живых или же передать точные данные о местоположении своего спасителя. В конце концов, по моим данным, именно смерть Нохары его сломила, до этого момента он оставался патриотом Конохи и верным реальному миру.

Мне даже стало интересно, чем это закончится, только страшно. Не хочу влезать туда, где шансы выжить нулевые. Да и не пустят меня. Я и знать о происходящем не была должна, только стечение обстоятельств позволило выведать все и то, постфактум. И я бы не сказала, что меня это огорчает, но я хочу знать смогли ли они уничтожить Мадару и статую Гедо Мазо. Очень хочу. Все же участвовать в войне я не желаю, абсолютно. Хватит, уже навоевалась. Жаль, что уйти от этого совсем не получится.

— Риэ, ты готова? — устало поднимаю голову, смотря на веселую Кушину-сан. Ей легко, она большая, чакры много, а я спустя десяток попыток создать зверо-клона выдыхаюсь. Хорошо хоть свиток запомнила от и до, а то бы вовсе худо было. Тем более, что его приватизировать мне не дали, едва выучила, как его забрала сама же Кушина-сан. Впрочем, я не роптала, прекрасно осознавая на какой они пошли риск, давая мне секретную технику другого Клана. Я за нее даже готова была простить свое облысение... почти. Вот вырастут перышки, прощу вовсе.

— Долго еще? — голос звучит жалобно и меня можно понять. Сегодня второй день нанесения фуин на мое брренное тельце. Причем, я не знаю, как наносят их остальным, но мне, чтоб наверняка, набивают его специальными иголками (кстати, Кушина-сан, Цунаде-сан и Рин по очереди). Без анестезии, ибо мне опасно ее делать, уж очень много препаратов скопилось в теле после лечения ожогов. Обширных ожогов, судя по описанию, я шла по стопам курочки гриль, даже запах был уже такой же... аппетитный. Вот тогда-то меня и накачали всем чем можно и нельзя, хорошо хоть после Цунаде-сан сплавил, иначе бы я загнулась от такого обилия лекарств на квадратный сантиметр (если не миллиметр) тела.

— Сегодня уже закончим, — успокоила меня Кушина-сан. — Останется только передать немного нашей с Цунаде-сан и Рин-чан чакры, и все. Печать свернется в небольшой ромбик у тебя в центре лба.

— Под оперением все равно видно не будет, — флегматично замечаю я, слегка напрягаясь, когда замечаю улыбку у Узумаки, но та быстро пропадает.

— Идем! — меня беспардонно подхватывают на руки, таща в неизвестность.

Обреченно вздыхаю. За это время я уже усвоила, что Кушина-сан только кажется взрывной особой. Нет, темперамент у нее действительно был... буйный, но она прекрасно себя контролировала. Ее можно было сколько угодно злить, но даже пылающая гневом, она не скажет ничего. Ну, было бы удивительно будь иначе, она же джинчурики, контроль основа их обучения. Она мне даже пару техник для успокоения нервов показала, хотя лидировал проверенный способ — врезать источнику беспокойства. Жаль, не всегда можно.

Кушина-сан отнесла меня недалеко, буквально в соседний отсек огромной больничной палатки. Там была оформлена большая стационарная печать. Чисто теоретически, она была диагностической, но Узумаки это не смутило. Ей хватало пошаманить над ней пяток минут и вот у нее появлялись новые функции, которые помогали в татуаже. Хотя правильнее будет сказать, что они помогали склеивать кусочки наносимой мне фуин. Уж очень та была сложной, включая в себя возможность слабой регенерации. По сути, мне решили поставить очень сильно

ослабленную версию Бьякуго. Хотя я все больше в этом сомневалась, ведь при таком раскладе, зачем привлекать Рин? Ответа я не знаю и сомневаюсь, что хочу узнать.

— Готово! — облегченно сообщила мне Кушина-сан, спустя часа пыток (колоть тату на живое это не хухры-мухры). — Сейчас мы вольем в печать минимально необходимое количество чакры и она активируется, твоя задача, Риэ, почувствовать с ней связь и захотеть ее свернуть.

— Поняла! — потихоньку прихожу в себя, когда не колют, боль уже терпима.

— Начинаем, — на теле вспыхивает три источника боли, это до меня в трех местах осторожно дотронулись. Пара мгновений на привыкание, а после я ощутила их чакру.

Горячая и обжигающая — Кушины-сан. Эта волна шла прямо над сердцем, опаляя своей яростью и необузданностью, но не калеча. Обжигающе холодная и дурманящая — Рин. Она подавала чакру с другой стороны от Узумаки. И последней была Цунаде-сан. Она вливала чакру четко посередине, став своеобразным буфером, который примирял две разные по своей сути силы, не давая им порвать мое маленькое тельце. Хотя это все равно было жутко.

— Риэ, сейчас! — до помутившегося сознания доносится чужой возглас, заставляя вспомнить о том, что я должна сделать. Это тяжело. Однако установленная печать будто помогает мне сама, не сопротивляясь, когда я нащупала с ней связь. Моментально отдаю приказ перестать принимать щедрым потоком льющуюся чакру и дезактивироваться до необходимости.

— Ты молодец, Риэ, — облегченно вздыхает надо мной кто-то. — Отдыхай.

Чужой приказ не возмущает, более того, я с радостью ему следую, все же такая нагрузка для еще не окрепшего тела — это плохо. Однако я ни о чем не жалею. Даже по моим скромным

прикидкам, в мою печать влили почти полтысячи моих полных резервов. И плевать, что это из-за того, что он очень маленький, сам факт того, что у меня столько чакры греет душу, теперь я точно освою Зверо-клона! Только дождусь, когда организм адаптируется к печати.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/54397/1387942>